

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Умственная жизнь.

I. Причины слабости. — II. Умственные течения. — III. Литература. — IV. Искусство. — V. Преобразовательное движение.

I.

Причины слабости.

Монголовъ, наводнившихъ русскую землю въ XIII вѣкѣ, обыкновенно обвиняють въ преступленіи противъ цивилизаци. Они, яко бы, являются причиной разрыва Руси съ Западомъ: они вызвали внезапную остановку въ ея культурномъ развитіи. Я долго раздѣлялъ всеобщее заблужденіе и безъ смущенія сознаюсь въ этомъ: все говорить въ пользу столь распространеннаго предразсудка, а исторія татарскаго нашествія такъ темна! Однако, въслѣдствіи меня прежде всего поразило одно свидѣтельство противоположнаго характера. Особенно убѣдительнымъ оно казалось потому, что исходило отъ выдающагося представителя національной церкви; а мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, до XVIII вѣка интеллектуальная жизнь страны была исключительно сосредоточена въ этомъ центрѣ.

«Судя по тому, какъ шло у насъ дѣло просвѣщенія въ 2¹/₂ столѣтія до монголовъ,—пишетъ арх. Макарій въ своей *«Исторіи Русской церкви»* (V, 258),—думаемъ, что оно едва-ли подвинулось-бы впередъ и въ два послѣдующихъ столѣтія... хотя бы монголы къ нимъ не приходили... Повторяемъ, Монголы отнюдь не препятствовали нашему духовенству,—особенно въ монастыряхъ, заниматься наукой,—если-бы сами русскіе этого хотѣли...»

Новѣйшія изслѣдованія разрушили, съ другой стороны, представленіе о волнѣ варваровъ, будто бы нахлынувшей во время нашествия татаръ на начатки европейской культуры. Вовсе не были такими

варварами соратники Батыя и его полководца Суботая. Это прекрасно доказалъ г. Леонъ Каёнъ (Cahon) въ своей книгѣ, которая является въ нѣкоторомъ родѣ открытіемъ («Introduction à l'histoire de l'Asie», 1896, p. 343. suiv). Монголы были первостепенными стратегами и превосходными организаторами. Они являлись достойными представителями той цивилизаціи, которая меньше нежели черезъ столѣтіе привела въ восхищеніе въ Самаркандѣ пословъ Генриха Кастильскаго (1405) и распространила во всей Европѣ употребленіе астрономическихъ таблицъ, составленныхъ извѣстнымъ Улугъ-Бекѣмъ. Кромѣ того татары вовсе не были нарочитыми разрушителями,—конечно, исключая случаевъ военной необходимости. Такъ же мало были они и притѣснителями, если дѣло не касалось ихъ фискальныхъ требованій. Наконецъ, по самой численности своей, они не могли наводнить страну; легенда о нахлынувшемъ потокѣ татаръ есть лишь мелодраматическая выдумка: Суботай побѣждалъ вездѣ съ очень небольшимъ составомъ войска, но всегда оно было очень подвижнымъ, хорошо вооруженнымъ и шло подѣ превосходной командой.

Повидимому, вездѣ монгольскій завоеватель нашелъ однѣ развалины, разлагающееся государство, страну, уже отъединенную отъ Европы. Какъ въ политическомъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніи, она жила почти въ полномъ одиночествѣ. Какъ извѣстно. Ярославъ (1016—1054) выдалъ свою сестру за Казимира Польскаго, одну изъ своихъ дочерей за короля Венгерскаго, другую—за Норвежскаго, а третью—за Генриха I Французскаго. Послѣ него ни одинъ подобный бракъ не продолжилъ традиціи великаго кіевскаго князя. Его преемники спорили изъ-за наслѣдства; и уже въ 1169 г. Кіевъ былъ разрушенъ другими варварами, которые пришли не изъ Азіи. Незначительные удѣльные князья всѣ наперерывъ старались овладѣть Кіевомъ съ помощью огня и меча. Правда и то, что, благодаря своему духовному союзу съ Византіей, эта Русь, истерзанная и разоренная своими собственными дѣтьми, можно сказать, была прикована къ трупу. Она была связана съ греческой наукой, но осужденіе античной культуры, закрытіе старинныхъ школъ, вліяніе восточныхъ идей лишали эту науку свободы изслѣдованія, т.-е. существеннаго условія прогресса. Современники Фотія (891) приписывали знанія патріарха колдовству одного пажы-еврея, а Леонъ Грамматикъ смѣшивалъ науку архіепископа Θεодора съ вызываніемъ тѣней умершихъ. Все свидѣтельствовало о послѣдней степени культурнаго

упадка. Греческая исторіографія сводилась къ собиранію легендъ. Преподаваніе философіи было запрещено, вся умственная жизнь сосредоточилась въ сферѣ религиозной полемики. Съ XII вѣка восточные монастыри уже не въ силахъ использовать научные матеріалы, которыми они располагають.

Умственное одиночество православной Россіи было прямымъ слѣдствіемъ ея родства съ византійской *Alma mater*. Изъ двухсотъ сорока русскихъ писателей, появившихся до конца XVIII вѣка, если только не считать юго-западныхъ католиковъ, 190 были монахами, 20 священниками и тридцать остальныхъ авторами сочиненій, посвященныхъ, въ большинствѣ случаевъ, религиознымъ вопросамъ. Такимъ образомъ литература и наука были почти исключительно церковными. Уже въ XIII вѣкѣ церковь представляла собою замкнутый, непроницаемый міръ. Православіе запрещало всякое общеніе съ иновѣрцами; не даромъ существовалъ обычай у русскихъ государей мыть руки послѣ аудіенціи, данной иностраннымъ посламъ,—что такъ оскорбляло Поссевина при дворѣ Грознаго. Присоединеніе ставленника Византіи, митрополита Исидора, къ Флорентійской уніи и взятіе Константинополя турками еще увеличили духовное одиночество Руси. Теперь подозрѣнія стали вызывать уже самъ православный Востокъ, а торжество Ислама казалось какъ бы заслуженной карой Византіи. Къ этой эпохѣ относится зарожденіе и быстрое распространеніе преданія о дѣятельности св. Андрея на Руси; оно подтверждало мнимую древность и независимость русскаго православія. Въ умахъ возникала идея національной вѣры, которая соотвѣтствовала бы самобытнымъ чертамъ славянскаго духа.

А, между тѣмъ, національная Церковь не только не сіяла новымъ блескомъ, а все больше и больше погружалась во мракъ. Къ концу XV вѣка не оставалось и слѣда школъ, существованіе которыхъ при древнѣйшихъ монастыряхъ подтверждалось раньше многими свидѣтелями. Въ началѣ слѣдующаго вѣка св. Геннадій, архіепископъ новгородскій, съ грустью отмѣчаетъ, что лица, посвящаемыя имъ во священники, не умѣютъ ни читать, ни писать. Устное поученіе также отсутствуетъ, каедре безмолствуетъ, и, по свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, изъ десяти вѣрующихъ едва ли одинъ сумѣетъ прочесть Отче нашъ. Вѣкомъ позже, въ 1620 г., шведскій ученый Вовидъ серьезно обсуждаетъ вопросъ о томъ, христіане ли русскіе!

Положимъ, монастыри продолжаютъ собирать книги. Кое-гдѣ были даже библіотекари. Но чтеніе стало удѣломъ горсти избранниковъ. Чтеніе становится наукой, и мало-по-малу вся мудрость уже заключается въ немъ. Читать какъ можно больше, даже заучивать наизусть прочитанное—развѣ это не все, что только можно сдѣлать? Ученаго называютъ *книжникомъ*. Но какія же книги знаетъ онъ? Въ монастырскихъ библіотекахъ почетное мѣсто отведено апокризамъ: Заувѣщанію Моисея, Видѣнію Исаака... Они пользуются уваженіемъ наравнѣ съ каноническими книгами. Максимъ Грекъ, призванный въ началѣ XVI в. съ Востока для исправленія церковныхъ книгъ, первый возсталъ противъ убѣжденія, будто солнце не садилось втеченіе недѣли послѣ воскресенія Христова. Такъ же возражалъ онъ и противъ разсказа о ехиднѣ, сторожившей заувѣщаніе Адама на берегу Иордана. Передъ нами каталогъ Троицкой библіотеки XVII вѣка. Древняя литература въ ней представлена 411 манускриптами. Это почти та же цифра, что мы находимъ въ Glastonbury въ XVI столѣтіи. Но какая разниа въ составѣ! Въ Glastonbury на первомъ мѣстѣ стоятъ римскіе классики, историки и поэты; въ Троицѣ мы насчитываемъ 101 библію, 46 книгъ литургическихъ, 58 собраній Отцовъ Церкви, 17 книгъ по церковному праву и только одинъ философскій трудъ Аскетическихъ произведеній больше всего. До XVIII вѣка писатели греческой и латинской древности останутся неизвѣстными для русскихъ читателей. Между свѣтскими сочиненіями любимыми являются хроники. Но какія хроники! Хроника Малалы съ цитатами изъ стиховъ Орфея; еще болѣе распространенная хроника Георгія Амартолы съ подробнымъ описаніемъ одеждъ нѣкоего іудейскаго священника, идущаго навстрѣчу Александру Македонскому... Въ географіи и космографіи авторитетами считаются Георгій Писсидесъ и особенно Косьма Индикопловъ. Его заключенія о размѣрахъ земли на основаніи формы Моисеевой скиніи не встрѣчаютъ ни малѣйшаго недоуменія, и поученія, перемѣшанные съ данными апокрифовъ, соединяющія идеи Птолемея и Аристотеля съ бреднями манихейцевъ и гностиковъ, распространяютъ самыя нелѣпыя понятія. Въ философіи придерживаются ученія Іоанна Дамаскина и его теоріи о наукѣ, сведенной къ любви къ Богу. Но до XVIII вѣка, на ряду съ произведеніями умозрительными, т.-е. Твореніями св. Василія Великаго или Діонисія Ареопагита, книгою изъ книгъ будетъ *Пчела*, несвязная компиляція. Здѣсь и тексты изъ Св. Писанія, и извлеченія изъ Отцовъ

Церкви, и отдѣльныя мысли, взятые у Аристотеля, у Сократа, у Эпикура, у Діодора, у Катона. Словомъ, настоящая литературная окрошка!

Подъ вліяніемъ такимъ образомъ пріобрѣтенныхъ познаній предсказаніе затмѣній считается колдовствомъ. Книги *математическія*—а подъ ними подразумѣвается ариѳметика, астрономія, географія и музыка,—запрещены, какъ нечестивыя. *Книжники* замкнутъ въ заколдованномъ кругѣ, куда не проникаетъ свѣтъ европейской науки, и гдѣ онъ топчется на мѣстѣ, вдали отъ движенія, уносящаго его западныхъ сосѣдей.

Въ XVI вѣкѣ, правда, лучъ свѣта и дыханіе жизни проникаетъ и въ эту темницу. Максимъ Грекъ, албанскій монахъ, учившійся въ Греціи и Италіи,—уже, въ нѣкоторомъ родѣ, европеецъ. Правда, онъ ограничилъ свою литературную и научную дѣятельность вопросами вѣры и морали. Но все же онъ принесъ на ногахъ своихъ хоть немного пыли изъ Милана, Флоренціи, Венеціи, Феррары и особенно изъ Падуи. Здѣсь великая борьба между послѣдователями Платона и Аристотеля, т.-е. теченіе, которое вело образованныхъ людей къ подражанію язычеству и къ нападкамъ на средневѣковую теологію, не могла не затронуть Максима Грека. Онъ зналъ въ Венеціи знаменитаго печатника Альда Мануція, а во Флоренціи прикасался къ еще горячему пеплу отъ костра Саванаролы. Онъ имѣлъ представленіе о важномъ научномъ значеніи Парижа. Все это не мѣшаетъ ему, однакоже, быть совершенно лишеннымъ того критическаго смысла, который является главнымъ двигателемъ интеллектуальной жизни Запада. вмѣстѣ съ тѣмъ, Максимъ Грекъ былъ проникнутъ абсолютнымъ недоумѣемъ къ свѣтской литературѣ. Вотъ почему онъ запрещаетъ появившійся въ то время русскій переводъ Луцидарія. Это произведеніе XII вѣка приписывалось св. Ансельму Кентерберійскому или Гонорію Отенскому: нѣкоторые вопросы физики и космографіи трактовались здѣсь, болѣе или менѣе, разумно. Максимъ Грекъ не хочетъ допустить эту книгу въ библіотеки, откуда изгнаны греческіе и латинскіе классики.

Образовалась цѣлая легенда вокругъ собранія этихъ классиковъ, которые вмѣстѣ съ большимъ количествомъ другихъ свѣтскихъ произведеній и нѣсколькими европейскими манускриптами, хранились будто бы въ самомъ московскомъ Кремлѣ съ XV вѣка. Обнаруженное для русскихъ изысканіями двухъ иностранныхъ ученыхъ, Клоссіуса

(1834) и Тремера (1891), предполагаемое существование этой библиотеки еще в недавнее время (1892 г.) возбудило полемику в печати. Были даже предприняты раскопки на мѣстѣ стараго дворца. Но онѣ дали только отрицательные результаты. Ніенштедтъ, ливонскій лѣтописецъ, былъ первымъ авторомъ разсказа объ этой библиотекѣ. За нимъ профессоръ дерптскаго университета Дабъловъ составилъ въ 1820 г. каталогъ ея, потомъ навсегда исчезнувшій. Были они мистификаторами или жертвами обмана—неизвѣстно, но, очевидно, что само преданіе не имѣетъ никакой реальной основы. Впрочемъ, еще гораздо раньше подобная же басня приписывала московскимъ государямъ обладаніе византійскими рукописями, которыя, будто бы, императоръ Іоаннъ помѣстилъ въ вѣрное мѣсто наканунѣ взятія Константинополя. Вслѣдствіе этого кардиналъ Санъ-Джорджіо поручилъ въ 1600 году греку Петру Аркудіусу, котораго онъ прикомандировалъ къ польскому посольству, провѣрить такой слухъ. Конечно, онъ также оказался невѣрнымъ, вымышленнымъ во всѣхъ частяхъ. Правда, Иванъ IV и его предшественники владѣли кое-какими книгами и рукописями. Однако, до конца XV вѣка, подлинно извѣстно существованіе одной только книги на иностранномъ языкѣ—именно, нѣмецкаго гербарія—въ этомъ собраніи. Она совершенно теряется среди книгъ литургическихъ, кормчихъ, хроникъ и астрологическихъ трактатовъ.

Подъ двойственнымъ вліяніемъ первоначальнаго византизма и того матеріалистическаго духа, который всегда и вездѣ проникаетъ общество, переживающее первоначальныя фазы своего развитія, умственная дѣятельность того времени естественно колебалась между двумя противоположными тенденціями, которыя сочетались порой самымъ причудливымъ образомъ. Мы видимъ передъ собою то аскетизмъ безъ всякаго идеала, то самый грубый сенсуализмъ—словомъ, двойной путь въ бездну небытія.
